

УДК 903.59

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.160.170>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2023 г. А.С. Проценко

В статье представлены результаты суммарной характеристики погребального обряда кара-абызской культуры, на основе использования методов математической статистики. В основу работы легли материалы 700 погребений кара-абызской культуры, исследованных в течение XX в. В.В. Гольмстен, К.В. Сальниковым и А.Х. Пшеничноком. Выделены частные признаки половозрастных групп (мужской, женской и детской). Выявлено, что для мужской выборки характерно наличие предметов вооружения, для женской – предметов костюмного комплекса. Для выяснения социальной структуры древнего населения погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие») по количественно-качественному составу предметов. В результате исследования была реконструирована трехсловная структура.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, кара-абызская культура, ранний железный век, социальная структура.

BURIAL RITE AS A SOURCE OF SOCIAL RECONSTRUCTIONS (BASED ON THE MATERIALS OF KARA-ABYZ CULTURE)

A.S. Protsenko

The article presents the results of summary characteristics of burial rite of the Kara-Abyz culture, based on the use of methods of mathematical statistics. The work is based on the materials from 700 burials of the Kara-Abyz culture, studied during the 20th century by V.V. Golmsten, K.V. Salnikov and A.Kh. Pshenichnyuk. Indications of gender and age groups (male, female and children) have been singled out. It is revealed that the male remains are characterized by the presence of weapons, while the female ones are characterized by the presence of items of a costume complex. To clarify the social structure of the ancient population, the burials were divided into five categories (“very rich”, “rich”, “ordinary”, “poor”, “poorest”) according to quantitative and qualitative composition of objects. As a result of the study, a three-part social structure was reconstructed.

Keywords: archaeology, Southern Cis-Urals, Kara-Abyz culture, Early Iron Age, social structure.

Способ погребения издавна рассматривается в археологии как стойкий этнический признак, а поэтому – как связующее звено в определении культурной преемственности. На деле постоянство этого признака не абсолютно, и способы погребения под влиянием тех или иных исторических обстоятельств могут меняться как во времени, так и в пространстве. Но в любом случае погребальный обряд – наиболее устойчивый признак культуры и выявление его реминисценций в более позднем обряде или дошедшем до наших дней фольклоре дает возможность проследить этапы культурного развития этноса или социума в целом (Клейн, 2013, с. 80). Погребальный обряд является одним из основных определяющих признаков археологической культуры. Высокая информативность материалов погребений признается всеми архе-

ологами, но в оценке их информационного потенциала в этно- и социокультурных реконструкциях исследователи не единодушны (Матвеева, 2007, с. 110).

Территория лесостепной части Южного Приуралья неоднократно отмечалась исследователями как особая зона этнокультурных контактов в эпоху раннего железного века (Иванов, 1980; Савельев, 2017, с. 117; Савельев, 2019, с. 40; и др.). На данной территории сформировалась одна из интереснейших археологических культур раннего железа – кара-абызская (IV в. до н. э. – IV в. н. э.), впитавшая как местные традиции оседлого населения, так и элементы материальной культуры кочевого населения региона (сарматских племен).

Цель данного исследования – реконструкция социальной структуры кара-абызской культуры Южного Приуралья по материалам

лам погребальных памятников. Отметим, что изучение социальной структуры древнего населения на современном этапе является одним из актуальных направлений археологических исследований (Серегин, Тишин, 2017; Берсенева, 2019; Гильмитдинова, 2021; Проценко, 2022; и др.).

Предыдущие исследования позволили выделить основные признаки погребального обряда кара-абызской культуры на основе анализа 581 захоронения (Проценко, 2017; Иванов, Проценко, 2017). В настоящем исследовании в случайную статистическую выборку вошли материалы следующих некрополей: Охлебининского могильника (492 погребения), I Биктимировского (68 погребений), III Биктимировского (17 погребений), Шиповского курганно-грунтового (95 погребений) и Уфимского (28 погребений). Объем совокупной выборки равен 700 погребальным комплексам, при критерии значимости равном 0,95 нижний порог представительности признака будет равен 0,6% (Генинг и др., 1990, с. 64). Изначально в базу исследования входило свыше 140 признаков, в процессе работы над материалом количество признаков сократилось до 120, представительными для рассматриваемой выборки являются 89.

Погребальный обряд характеризуется следующими признаками. В могиле, где сохранились какие-либо остатки костяков, это ингумация (97,7%), причем индивидуальная. В могильной яме в 98,3% случаев обнаружен один погребенный. Парные погребения составляют 1,1%, которые фиксируются только на Охлебининском могильнике. Захоронения, в которых содержатся три и более костяка, зафиксированы в четырех случаях (0,6%). Подавляющее большинство захоронений совершены в простых могильных ямах прямоугольной формы, глубиной до 1 м (49,1%), до 0,5 м (28,5%), 1–1,5 м (21,3%) и более 1,5 м (1,1%). В 11,5% погребений одна или несколько стенок могильной ямы обложены камнями, в 8% зафиксирована органическая подстилка на дне могилы.

Ориентировка погребенных по азимуту достаточно разнообразная и охватывает все стороны света. Однако доминирующее положение в ориентировке погребений занимает западная с небольшими отклонениями к северу или югу, которая в сумме составляет 65,4%. Поза погребенных стандартная – на

спине с вытянутыми конечностями (75,1%). Также фиксируются следующие признаки: руки вытянуты (2,5%), одна рука на тазовых костях (1,6%), ноги вытянуты (1,7%), череп на затылке (1,4%). Встречаются единичные погребения с нестандартной позой, где нога согнута в колене (1,4%) или ноги согнуты и лежат на боку (3,5%).

Среди деталей ритуала выделяются следующие признаки: размещение костей животных (остатки сопроводительной пищи) в изголовье могилы (28,8%) или у ног (3,5%), местонахождение костей точно не зафиксировано (1,8%); также фиксируется помещение глиняного сосуда рядом с усопшим: в изголовье (7,8%), у ног погребенного (16,7%), на уровне пояса (2,3%).

Сопровождающий инвентарь из погребений кара-абызской культуры традиционно состоит из следующих категорий вещей: вооружение и конское снаряжение, украшения и детали убранства костюма, бытовые вещи.

Из предметов вооружения чаще всего встречается наконечник копья (в 17% погребений). Также зафиксировано большое количество наконечников стрел: железных (16,3%), костяных (7,9%) и бронзовых (7,7%). Остальные виды представлены в небольшом количестве: меч – 4,7%; боевой нож – 1,6%; колчанной крючок – 3,4%. Чаще, чем все остальные детали конской упряжи, встречаются в погребениях удила (в 12,2% погребений), на втором месте по степени распространенности выступают псалии (3,4%).

В анализируемой выборке представлены следующие виды украшений и деталей костюма: поясная пряжка (в 19,2% погребений), пряжка кольцевая литая (6,4%), пряжка железная (6,3%). Пряжки других форм, такие как пластинчатые бронзовые, ажурные, лировидные и др., составляют 15,5% погребений. Большие круглые бляхи (дисковидные) встречены в 17,4%, умбовидные пряжки в 2,7%. Часто встречаемыми находками являются трапециевидные подвески (13,2%). Накладки ремня зооморфные составляют 11,7%, поясные накладки 15,4%, наконечник пояса – в 10% захоронений. В 1,8% зафиксирован цельный пояс, в 2,6% – «портупей». Немногочисленными предметами являются: серьга-кольцо (2,4%), пронизки спиральные (2,7%), витая височная подвеска (2%), браслет (2,4%),

гривна (3,7%). Детали обуви зафиксированы в 1,8%.

Распространенными находками являются перстни, встреченные в 9,8% погребений. Бусы, по наблюдению А.Х. Пшеничнюка, со II этапа становятся почти обязательной принадлежностью каждого женского погребения (Пшеничнюк, 1973, с. 179), в анализируемой выборке они представлены в составе ожерелья (16,2% захоронений) или зафиксированы в единичных экземплярах в количестве 1–5 штук (16,5%).

Наиболее популярным типом бытовых предметов являлись ножи (43,3%), другие предметы встречены значительно реже: костяная лопаточка (3,3%), пряслица (1,7%).

Одной из стадий социального анализа является вычленение связанных с полом погребенного признаков погребального обряда. С исторической точки зрения, это позволит хоть в какой-то мере определить роль мужчины и женщины в производственной и социальной сферах конкретного общества, а в практических исследованиях археологов поможет установить, конечно с определенной степенью вероятности, археологические характеристики погребенных, что имеет важное значение при различного рода исторических реконструкциях (Бунятян, 1985, с. 64).

Пол в большинстве случаев определен исследователями по набору сопроводительного инвентаря, не установлен (не указан) в 49,9% захоронений. Среди них в представленной анализируемой выборке мужских, женских и детских погребений оказалось примерно поровну (15,5%, 16,3% и 18,3% соответственно).

Анализ половозрастных групп был проведен в два этапа. На первом этапе были рассмотрены погребения, в которых исследователи указали пол погребенных. В результате были выделены признаки соответствующих групп на основе вычисления тенденции признака (всеобщие, локальные и частные) (Генинг, Борзунов, 1975, с. 42–72). Также был проведен анализ погребений, вошедших в выборку, где пол и возраст определены профессиональными антропологами, общее количество которых составляет 29 погребений, из которых у десяти индивидов пол определен как мужской, восемнадцати – как женский, и одно захоронение принадлежало ребенку (пол не установлен).

На втором этапе исследования рассмотрены захоронения, в которых отсутствуют половозрастные определения (347 погребений (49,9%)). На данном этапе с опорой на сопроводительный инвентарь (частные признаки каждой из выделенных групп) проанализировано каждое погребение и соотнесено с представленными половозрастными группами (мужчины, женщины, дети). В результате из категории «пол и возраст не определен» были выделены: 103 мужских, 106 женских и 7 детских захоронений. В 131 случае отнести погребенного к выделенным половозрастным группам не представляется возможным в связи с малочисленностью или отсутствием сопроводительного инвентаря.

Таким образом, мы получаем следующие результаты по половозрастным группам: 212 мужских погребений (30,3%), 221 женское (31,6%) и 136 детских (19,4%), пол и возраст не определены в 131 погребении (18,7%).

Частные признаки выделенных половозрастных групп следующие. К мужской группе захоронений относятся: угли в могиле, псалии и удила, наконечники стрел (железные, бронзовые и костяные), колчаный крючок, меч, боевой нож, наконечник копья, пряжка кольцевая литая или пряжки других форм, пряжка железная, детали обуви, костяная лопаточка. К частным признакам женской группы погребений относятся: ноги согнуты и лежат на боку, северная ориентировка погребенного, головой к реке, дощатый настил на дне могилы, кости животных у ног, жертвенный комплекс у ног, зооморфные и поясные ременные накладки, поясная пряжка, цельный пояс, «портупея», обоймы разных размеров, дисковидная бляха, мелкие круглые бляшки, умбоновидная бляха, трапециевидная подвеска, витая височная подвеска, перстень, гривна, ожерелье из бус, пронизки спиральные, пряслице. К частным признакам детской группы погребений относятся: смешанное расположение могил, могила глубиной до 0,5 м, парное погребение, поза не установлена, восточная ориентировка, также прослежена ориентировка относительно реки (вдоль течения реки), глиняный сосуд на уровне пояса. Также фиксируется признак – без вещей¹.

Для реконструкции социальной структуры древнего населения погребения были распределены на пять категорий («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «бедней-

шие») по количественно-качественному составу предметов. Социальную характеристику памятников мы начнем с самого раннего кара-абызского могильника (Уфимского) и закончим Охлебнинским, который по степени изученности и по времени существования маркирует как основное время существования рассматриваемой культуры, так и конечную дату нашего исследования – III/IV в. н. э.

В выборку вошли 28 погребений, датированных IV–III вв. до н. э. (Овсянников, Яминов, 2003, с. 25), из которых только в шести захоронениях (21,4%) отсутствовал сопроводительный инвентарь. Из мужской выборки выделяются три погребения (7, 21, 26), в которых найдено наибольшее количество наконечников стрел в составе колчанного набора: 21, 18, 20 штук соответственно, также в погр. 7 и 21 найдены железные наконечники копья и бронзовые обоймы. Из женских погребений можно выделить два погребения (13 и 15). В погр. 13 инвентарь представлен двумя бронзовыми височными кольцами, бронзовой гривной, двумя поясными бляхами разных размеров, крючком крестообразной формы, железным ножом и двумя кольцами (с широкой и узкой спиралью). В погр. 15: височные 8-образные подвески, ожерелье из бронзовых обоймиц, бляшек, пронизок, привесок треугольной формы, двух раковин *Surgaea moneta* и трех крупных бус; массивный бронзовый браслет, бронзовое спиральное кольцо; одна бляха с изображением животного, вторая – с изображением пары животных, железный нож. В других женских захоронениях представлены три-четыре элемента костюмного комплекса. Общим для женских и мужских погребений выступает помещение железного ножа в могилу. Детские погребения составляют 14,2% от общего количества захоронений. В двух случаях костяк не содержал вещей, в погр. 12 зафиксирована пастовая бусина. Отметим погр. 9, в котором инвентарь представлен костяной поделкой, украшением из одной золотой и нескольких бронзовых обоймиц и бисера.

Что касается социальной иерархии населения, оставившего данный некрополь, необходимо отметить достаточно равноправную ситуацию, сложившуюся в IV–III до н. э. в кара-абызском обществе. Основываясь на качественно-количественном отношении сопроводительного инвентаря, нами были

выделены три мужских и два женских «богатых» захоронения. Оставшиеся погребения, за исключением захоронений, в которых инвентарь отсутствовал («беднейшие» (8)), можно смело назвать «рядовыми» (15).

Дальнейшее рассмотрение социальной структуры в хронологической динамике продолжим на материалах Биктимировских могильников (85 погребений), датированных исследователями III–II вв. до н. э. Автором в одной из работ проведен анализ поставленной проблемы (Проценко, 2019), остановимся на результатах.

Из мужской выборки категория «богатых» могил насчитывает пять погребений, сопроводительный инвентарь представлен 4–5 предметами (например, бронзовые наконечники стрел, наконечник копья, поясная пряжка, удила) и наличием предмета из драгоценного металла (например, височная подвеска в виде кольца с трубицей из золотой проволоки). Наиболее статусная категория «очень богатых» представлена одним захоронением (погр. 53). В мужских могилах к категории «беднейших» отнесено одно погребение, «бедных» насчитывается пять погребений, три из которых были ограблены в древности. «Рядовые» захоронения наиболее многочисленны – девять погребений, из которых три ограблено. Среди данной категории выделяется погр. 12 (40–45 лет), в котором наряду с двумя лигнитовыми бусинами, железным ножом были обнаружены бронзовая круглая бляха-зеркало с четырьмя отверстиями по краям с обломанным краем и два кусочка мела (Сальников, 1962, л. 40). Последние две находки встречались только в данном мужском погребении, в остальных случаях подобные бляхи и кусочки мела фиксируются исключительно в женских захоронениях.

Из женских погребений «богатых» комплексов насчитывается пять, «очень богатых» – пять. К категории «бедные» были отнесены четыре погребения, но все они были ограблены в древности, «рядовых» семь захоронений. И одно погребение, не содержащее сопроводительного инвентаря, отнесено к категории «беднейших».

Остатки органической подстилки (древесной коры/дощатого настила?) обнаружены в восьми захоронениях (всего на могиле зафиксировано 11 случаев) на дне могилы и фиксируются в категории «богатых» и «очень

богатых»: в шести случаях у женщин и в двух у мужчин, что, по нашему мнению, свидетельствует об особом погребальном обряде данных категорий захоронений.

Группу погребений, в которых определить пол и возраст не удалось, можно разделить по двум категориям: 13 погребений, в которых сопроводительный инвентарь отсутствовал, – «беднейшие»; «бедные» могилы (в составе содержатся 2–4 предмета) – 17 захоронений.

Детские погребения в большинстве случаев (63,6%) не содержат сопроводительного инвентаря. В двух погребениях ребенок сопровождался одной или двумя категориями инвентаря (бусы, медные бляшки и др.). Наибольшее количество инвентаря было уложено в погр. 21: две умбоновидные бронзовые пряжки с ушком на обороте, кусочек мела, бронзовые обоймицы (4 экз.), бусы (15 гешировых плоских и 9 из золоченного стекла).

В результате мы получаем следующие данные по выделенным категориям: «беднейшие» (23), «бедные» (26), «рядовые» (18), «богатые» (12), «очень богатые» (6) захоронения. Необходимо отметить разнообразие и «богатство» сопроводительного инвентаря Биктимировского могильника по сравнению с Уфимским. Таким образом, материалы данного некрополя показывают дальнейшее имущественное расслоение (эволюцию социальной структуры) в среде кара-абызского населения.

Следующий некрополь представлен грунтовыми погребениями Шиповского могильника – одного из крупнейших и важнейших в научном отношении некрополя лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа начиная со времени формирования кара-абызской культуры и вплоть до раннего Средневековья. Вошедшие в выборку захоронения грунтовой части могильника (95 погребений) датируются А.Х. Пшеничнюком I–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1976, с. 77).

Мужские погребения, как и в предыдущих могильниках, маркируются оружием (наконечник копья, наконечники стрел и др.), элементами поясной гарнитуры (пряжка, накладки, костяные подвески) и предметами быта (нож и костяная лопаточка). Отметим, что для мужской выборки характерно именно наличие наконечника копья в составе инвентаря (20 случаев). Из данной выборки выделяются шесть статусных погребений (погр.

26/VII, 57/VII, 59/VII, 62/VII, 84/VII и 88/VII): наряду с предметами вооружения в них представлен наиболее значимый (статусный) поясной набор, состоящий из пряжки и накладок, двух железных ножей и бляшек между ними, которые привешивались к поясу; трапециевидных подвесок и бусины; также они отличаются деталями погребального обряда, а именно обкладка одной из стенок у дна рядом камнем или наконечник копья, воткнутый в дно могилы. Необходимо отметить, что в данной статусной группе захоронений в пяти из шести погребений зафиксированы остатки конской упряжи (удила, в двух случаях с костяными псалиями). Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что конные войны Шиповского ополчения имели высокий социальный статус.

Статусные женские погребения, выделенные нами, насчитывают шесть захоронений, умерших сопровождал богатый набор сопроводительного инвентаря, критерием выделения данной группы явились количественные показатели сопроводительного инвентаря.

Пол и возраст не определен в 17 погребениях. В 5 из них сопроводительный инвентарь отсутствовал, в 12 случаях был представлен одной или двумя категориями предметов. Особняком стоит погр. 89, в котором были найдены: бронзовые фигурные подвески, железная пряжка, железный нож и два костяных наконечника стрелы. В связи с тем, что представленные вещи четко не маркируют половозрастную принадлежность, так как встречаются как в мужских, так и в женских погребениях, данное захоронение отнесено именно к этой категории. Данная оговорка необходима для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что в категорию «пол и возраст не определен» отнесены не только безынвентарные погребения, но и те, в которых по составу сопроводительного инвентаря нельзя однозначно определить половозрастную принадлежность.

Детских погребений представлено 27 (28,4%), семь из которых безынвентарные. Из данной выборки необходимо отметить только два погребения: погр. 77 (дисковидная бляха, пять зооморфных накладок, две трапециевидные подвески, 14 обоймочек) и погр. 80 (бронзовая плоская бляшка с отверстием в центре, четыре стеклянных зонных бусины, два обломка бронзовой спирали, две пронизки,

два проволочных колечка, обломок ажурной пластины, бронзовый проволочный перстень, три конусовидных подвески, бронзовая обоймочка и три астрагала), которые выделяются богатством сопроводительного инвентаря. Вероятно, данная группа принадлежала к наиболее богатым семьям рода, чьи дети и были в ней погребены (Проценко, Заикина, 2018, с. 174–175).

Таким образом, погребальный обряд Шиповского могильника является также унифицированным. Следует отметить, что в погребениях полностью отсутствует глиняная посуда, но кости животных (остатки сопроводительной пищи) найдены в трех случаях у ног и в девяти случаях в изголовье. Большинство погребений (6 случаев), сопровождавшихся заупокойной пищей, принадлежали мужчинам, в двух случаях женщинам и в одном – ребенку. На Шиповском могильнике, так же как и в Охлебининском, в погребениях зафиксирован дощатый настил (12 захоронений): 10 мужских и 2 женских.

Социальная структура населения могильника, по полученным данным, выглядит следующим образом, погребения были распределены на четыре категории: «очень богатые»/«богатые» (14), «рядовые» (44), «бедные» (24), «беднейшие» (13). Соответственно, мы наблюдаем, наверно, уже сложившуюся прослойку населения, которая сосредоточила в своих руках определенные богатства. Отличительной чертой является объединение наиболее статусных погребений («богатые», «очень богатые») в одну группу.

Охлебининский могильник является наиболее изученным некрополем кара-абызской культуры, в ходе широкомасштабных исследований было вскрыто 663 погребения. Исследователями установлено, что могильник заполнялся непрерывно с IV в. до н. э. по III в. н. э. (Пшеничнюк, 1987, с. 68). Необходимо отметить, что большая часть материалов до сих пор не опубликована, за исключением исследований А.Х. Пшеничнюка в 1965 г. В выборку исследования вошли 492 захоронения (раскопки 1965, 1980, 1981 гг. (раскопки IV, V, VI)).

В начале 1980-х гг. А.Х. Пшеничнюком была опубликована статья, в которой исследователь остановился на проблеме общественного строя кара-абызской культуры. Так, автор солидаризировался с общепринятым

мнением, что оседлые племена раннего железного века Урало-Поволжского региона, в том числе кара-абызские, находились на стадии разложения родового строя с наметившимся имущественным и социальным расслоением. Все взрослые погребения Охлебининского могильника (раскопки 1965 г.) были исследователем разделены на три группы: богатые, рядовые, бедные. В число богатых мужских захоронений А.Х. Пшеничнюком были включены 14 погребений² с мечами. Как правило, в этих погребениях богато представлены и другие предметы вооружения, остатки уздечек, поясов. К этой же группе следует причислить еще пять погребений, в которых мечи отсутствуют, но другие предметы представлены богато (наконечники стрел и копий, удила, пояса и т. д.). Автором было выделено 12 богатых женских погребений. Кроме богато украшенных поясных ремней в могилах встречено большое количество различных бляшек и обоймочек, которыми были обшиты рукава и подол верхней одежды, остатки нагрудных украшений, различные подвески, браслеты, бусы. Полученные данные позволили исследователю сделать вывод, что погребальный инвентарь со всей очевидностью свидетельствует об имущественном расслоении в среде кара-абызского населения. Имущественное расслоение отражает, по всей видимости, определенную социальную дифференциацию кара-абызского общества (Пшеничнюк, 1981, с. 96–97).

Необходимо отметить и географическое расположение Охлебининского комплекса памятников, который находился на самом юге кара-абызской территории и выступал в роли форпоста по отражению набегов кочевников. Необходимость защиты способствовала развитию военного дела. Так, по расчетам исследователя (раскопки 1965 г.) на немногим более 40 всех взрослых мужских погребений приходится: 14 мечей, 23 наконечника копья, 547 наконечников стрел и 22 удила. Данное обстоятельство позволило автору констатировать, что почти каждый взрослый мужчина был вооружен, являлся воином, воином-всадником. По мнению А.Х. Пшеничнюка, категория дружинников выделяется, очевидно, на более позднем этапе, в эпоху раннего Средневековья (Пшеничнюк, 1981, с. 98–99).

Исходя из вышесказанного, в первую очередь нами были проанализированы погре-

бения, содержащие в составе своего набора вооружения меч/боевой нож. В выборке исследования 153 мужских захоронения, из которых в 31 погребении фиксируется данный вид вооружения, проанализируем данную группу захоронений и приведем несколько примеров.

В состав сопроводительного инвентаря погр. 12 (1980 г.), кроме железного меча с бронзовыми наконечником ножен, входили: две стеклянные бусины на шее; кость животного и железный нож – у правого локтя; бронзовая круглая пластинчатая пряжка, пять бронзовых обоймочек, накладки из зубов животного (медведя) – на поясе; маленькая бронзовая пластинчатая пряжка с неподвижным крючком, у правого колена; две обувные бронзовые кольцевые пряжки – на ступнях ног; железный наконечник копья – у левой ступни, острием вниз; железные удила – ниже ступней; железные спекшиеся трехлопастные черешковые наконечники стрел, примерно 11 экз. – ниже ступней ног, в кучке остриями вниз; костяная лопаточка и глиняный сосуд-чаша – в ногах погребенного на 45 см выше дна могилы (Пшеничнюк, 1980, л. 8–9). Необходимо отметить погр. 210 (1981 г.), в котором были захоронены два мужских костюма. У одного погребенного в составе сопроводительного инвентаря находился железный меч, а у другого – боевой нож с бронзовыми наконечниками ножен.

В абсолютном большинстве оставшихся захоронений, в составе сопроводительного инвентаря которых находился меч или боевой нож, были обнаружены другие категории инвентаря в значительном количестве. Таким образом, мы можем говорить, о том, что именно меч/боевой нож в мужских кара-абызских погребениях Охлебининского могильника являлся своего рода социальным маркером погребенного. Возможно, его помещали в могилу наиболее отличившихся воинов или начальников отрядов. Здесь же уместным будет еще раз вернуться к географическому расположению Охлебининского комплекса памятников. Отметим, что именно мужчины-воины имели возможность напрямую контактировать с кочевниками (сарматскими племенами) в ходе военных/торговых операций, что, в свою очередь, могло вызвать определенное накопление «даров»/добычи в руках определенного, скорее всего узкого, круга людей. Все вышесказанное позволило

нам все погребения, содержащие данный вид вооружения, отнести к категории «очень богатых» и «богатых».

Категория «рядовых» погребений мужских захоронений содержала три-пять категорий инвентаря, таких как поясная пряжка, наконечники стрел или копья, удила с псалиями в различных сочетаниях данных признаков. В категорию «бедных» были включены погребения, содержащие одну-две категории инвентаря.

В женских погребениях Охлебининского могильника наиболее богато представлены украшения костюмного комплекса по сравнению с другими некрополями. Так, к примеру, поясные дисковидные бляхи – этнокультурный маркер носителей кара-абызской культуры, так как только у них данные изделия были частью поясного набора. Как справедливо отмечает С.Л. Воробьева, в кара-абызской среде богато украшенный поясной набор с бляхами был атрибутом женского костюма. В состав таких наборов, как правило, входили поясные накладки с головами грифонов (Воробьева, 2012, с. 116–117). Наибольшее количество блях, по подсчетам С.Л. Воробьевой, происходит из Охлебининского могильника, источником поступления данного вида украшения являются, по мнению исследователей, сарматские племена, что в очередной раз свидетельствует о тесных контактах кара-абызского и сарматского населения (Воробьева, 2012, с. 123).

Определенного маркера статусности женских захоронений не выявлено. Исследование показало, что сочетание богатого ожерелья, «портупей», поясного набора (в том числе количество в нем грифонов) и жертвенного комплекса, уложенного у ног, и наличие предмета из драгоценного металла (к примеру: золотые височные подвески в виде знака вопроса со спиральным стержнем) в совокупности определяет высокий статус женщины в данном некрополе. Из бытовых вещей, так же как и в других могильниках, зафиксированы железные ножи и пряслица.

Характерной чертой погребального обряда взрослого населения Охлебининского могильника является древесный настил и обкладка одной или несколько стенок могилы камнем. В погребениях, где зафиксировано наличие органической подстилки, представлен значительный сопроводительный материал, как

в мужских, так и в женских захоронениях, что является характерной чертой погребальной обрядности знатного населения данного некрополя.

Детские захоронения Охлебнинского могильника также соответствуют погребальной обрядности рассматриваемой культуры. Большинство погребений – без вещей, но если сопроводительный инвентарь представлен, то это 2–3 категории инвентаря (небольшие бляшки, глиняный сосуд, 1–5 бусин и др.).

Анализ погребального обряда позволил определить социальную структуру населения, оставившего Охлебнинский могильник, погребения были распределены на пять категорий: «беднейшие» (48), «бедные» (110), «рядовые» (179), «богатые» (102), «очень богатые» (53) захоронения.

Таким образом, исследование показало высокую информативность погребального обряда для реконструкции социальной структуры древнего общества. Мы вслед за предшественниками убедились в эффективности подобной методики.

По объективным причинам, не все стороны, связанные с погребальной практикой, удалось рассмотреть в равной мере. Отмеченная нами небольшая доля погребений с антропологическими определениями серьезно сужает круг возможных социальных интерпретаций. Отсутствие публикаций материалов раскопок, в особенности такого эпохального погребального памятника кара-абызской культуры, как

Охлебнинский могильник, затрудняет разработку хронологии кара-абызских древностей, в результате следует, что развитие и динамика погребального обряда могут быть прослежены лишь в общих чертах (Проценко, 2022, с. 22).

Социальная структура кара-абызской культуры представляется нам на сегодняшний день следующей. Качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря позволяет говорить о существовании имущественных и социальных различий между погребенными. На основе анализа погребального обряда мы получаем трехсловную структуру. Погребения, отнесенные к категориям «очень богатые» (10,5%) и «богатые» (17%), составляют верхушку кара-абызского общества; «рядовые» (36,3%) и «бедные» (23,1%) относятся к самому многочисленному, второму, слою. Объединение данных групп, по нашему мнению, возможно в связи с размытостью границ между данными категориями погребений. Категория захоронений, где инвентарь отсутствует, отнесена нами к третьему слою кара-абызского общества – «беднейшие» (13,1%). Отсутствие в них сопроводительного инвентаря, возможно, связано либо с определенными возрастными традициями погребального обряда, либо они оставлены другой этнической группой (чужеплеменники). Выделять в данной группе категорию рабов на данный момент мы считаем преждевременным.

Примечание:

¹ Развернутая характеристика половозрастных групп будет дана в отдельной публикации.

² В работе С.Э. Зубова (2012), посвященной военной структуре Охлебнинского могильника, приведены количественные данные предметов вооружения в погребениях: меч – 3, палаш – 3, кинжал – 6, боевой нож – 38 и др. (табл. 1, с. 110).

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2019. 43 с.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1985. 227 с.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Том I. Дисс. ... канд. истор. наук. Уфа, 2012. 291 с.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической обработки, характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1975. С. 42–72.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Гильмитдинова А.Х. Кочевое население Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н. э. (по данным археологии). Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021. 31 с.

Зубов С.Э. О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. Вып. 12. Уфа: Гилем, 2012. С. 108–123.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 74–84.

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.

Клейн Л.С. Этногенез и археология. Т. 2. Арии и *varia*. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 527 с.

Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным: Учебное пособие. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2007. 206 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 16–57.

Проценко А.С. Суммарная характеристика погребального обряда кара-абызской культуры // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 854–855.

Проценко А.С., Заикина Н.А. Погребальный обряд детских погребений Шиповского могильника // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Уфа, 19-22 ноября 2018) / Отв. ред. Я. В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 171–176.

Проценко А.С. К вопросу о социальной структуре населения Биктимировского могильника // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 845–854.

Проценко А.С. Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 26 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–149.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1980 г. // НА УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 94.

Пшеничнюк А.Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 91–100.

Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 67–76.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. // Поволжская археология. 2017. №1 (19). С. 114–129.

Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // УАВ. 2019. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>.

Сальников К.В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 год по теме №41 «Эпоха бронзы и железа в Башкирии», раздел «Эпоха бронзы Южного Урала» // НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 562.

Серегин Н.Н., Тишин В.В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н.э.). Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). Барнаул: АлтГУ, 2017. 344 с.

Информация об авторе:

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Государственное бюджетное учреждение Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

REFERENCES

- Berseneva, N. A. 2019. *Vozrastnaia i gendernaia differentsiatsiia v obshchestvakh Iuzhnogo Urala II tys. do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamjatnikov)* (Age and Gender Differentiation in the societies of the Southern Urals in the 2nd Millennium BC (Based on Materials from Burial Sites)). Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Ekaterinburg (in Russian).
- Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsial'nykh rekonstruktsiy v arkheologii (na materialakh skifskikh mogil'nikov IV–III vv. do n.e.)* (Methods of social reconstructions in archaeology (based on the materials of Scythian burial grounds of the IV–III centuries BC)). Kiev: “Naukova Dumka” Publ. (in Russian).
- Vorob'eva, S. L. 2012. *Tipologiya elementov ubranstva kostiuma kara-abyzskoi kul'tury epokhi rannego zheleza* (Typology of the Wear Design Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture) Vol. I. Thesis of Candidate Of Historical Sciences. Ufa (in Russian).
- Gening V. F., Borzunov, V. A. 1975. In Gening V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 13. Sverdlovsk: Ural State University, 42–72 (in Russian).
- Gening V. F., Bunyatyan, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovano-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamyatnikov)* (Formalized statistical methods in archaeology (analysis of burial monuments)). Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Gilmitdinova, A. Kh. 2021. *Kochevoe naselenie Yuzhnogo Urala vtoroy poloviny VI–IV vv. do n. e. (po dannym arkheologii)* (Nomadic population of the Southern Urals of the second half of the VI–IV centuries BC (according to archaeological data)). Thesis of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).
- Zubov, S. E. 2012. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 12. Ufa: “Gilem” Publ., 108–123 (in Russian).
- Ivanov, V. A. 1980. In Martynov, A. I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo* (Scythian-Siberian cultural and historical unity). Kemerovo: Kemerovo State University, 74–84 (in Russian).
- Ivanov, V. A., Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 1, 117–129 (in Russian).
- Klein, L. S. *Etnogenez i arkheologiya. Tom 2. Arii i varia* (Ethnic genesis and archaeology Vol. 2. The Aryans and Varia). Saint Petersburg: “Evrasiia” Publ. (in Russian).
- Matveeva, N. P. 2007. *Rekonstruktsiya sotsial'noy struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym* (Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data: A textbook). Tyumen: Tyumen State University (in Russian).
- Ovsyannikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 4. Ufa: “Gilem” Publ., 16–57 (in Russian).
- Klement'eva, T. Yu., Pogodin, A. A. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronnyi resurs]* (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource]). Barnaul: Altai State University, 854–855 (in Russian).
- Protsenko, A. S., Zaikina, N. A. 2018. In Rafikova, Ya. V. (ed.). *Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arkheologii* (Male and female world in the reflection of archaeology). Ufa: Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 171–176.
- Protsenko, A. S. 2019. In *Oriental Studies* (5), 845–854 (in Russian).
- Protsenko, A. S. 2022. *Pogrebal'nyy obryad kara-abyzskoy kul'tury kak otrazhenie sotsial'noy struktury osedlogo naseleniya Yuzhnogo Priural'ya* (The burial rite of the Kara-Abyz culture as a reflection of the social structure of the Southern Urals settled population). Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* (Archaeology and Ethnography of Bashkiria) V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Iuzhnogo Urala* (Antiquities of the Southern Urals). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–149 (in Russian).
- Pshenichniuk, A. Kh. 1980. *Nauchnyy otchet o raskopkakh Okhlebininskogo mogil'nika (Iglinskiy rayon Bashkirskoy ASSR) v 1980 godu*. (Scientific Report on the Excavations of the Okhlebinino Burial Ground (Iglinsky District of the Bashkir ASSR) in 1980. Ufa. Scientific Archive of Institute for Ethnographical Research of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences Fund 1. Inv. 6. Dossier 94 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1981. In Mazhitov, N. A. (ed.). *Materialy po khozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemeni Yuzhnogo Urala (Materials on the economy and social structure of the Southern Urals tribes)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 91–100 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1987. In Pshenichniuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Voprosy drevney i srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala (Issues of ancient and medieval history of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–76 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 114–129 (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2019. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* (19), 39–50 DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>. (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1962. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkheologicheskoy ekspeditsii za 1962 god po teme №41 «Epokha bronzy i zheleza v Bashkirii», razdel «Epokha bronzy Yuzhnogo Urala» (Scientific report on the results of 1962 archaeological expedition on the topic No. 41 "Bronze and iron periods in Bashkiria", part "The Bronze Age of the Southern Urals")*. Ufa. Scientific Archive of Institute for Ethnographical Research of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences Fund 1. Inv. 6. Dossier 94 (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, V. V. 2017. *Sotsial'naya istoriya tyurkov Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina I tys. n.e.). Chast' 1: Ocherki sotsial'noy struktury (po pis'mennym i arkheologicheskim istochnikam) (Social history of the Turkic people of Central Asia (the second half of the I millennium AD). Part 1: Essays on the social structure (based on written and archaeological sources))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

About the Author:

Protsenko Anton S., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, State Budgetary Institution Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa". Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Baskortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.